

Карта поместья Звёздного света была немного особенной. Линии не следовали пути; вместо этого они следили за последовательностью каждого туристического места. Кроме того, сегменты пунктирных линий в разных живописных местах пересекаются.

Поскольку они оба думали об одном и том же — прекрасно, они могли бы сблизиться. В песочнице, где играли дети, Саман разровнял песок деревянной доской, отломал стебель камыша и нарисовал черновой каркас. Затем он молча нарисовал «карту» по памяти.

Жэнь Ифэй начал с другой стороны.

Саман был энтузиастом данных, и карты, которые он рисовал, были столь же точны, как и карты, напечатанные на принтере.

Жэнь Ифэй взглянул на него, и эффект от нанесенных им штрихов был таким же точным.

Один отвечал за карту слева, а другой — за карту справа. Это было похоже на соревнование. Принципиальную схему, очевидно, можно было нарисовать, но ее нужно было нарисовать в правильном масштабе.

Два длинных стебля тростника плавали в песке. Только в конце, когда стебли тростника, идущие по прямой линии, встретились посередине, они подняли глаза. Вся карта была нарисована, по сути, идентична той, что у ворот.

— У тебя, должно быть, хорошая память, — улыбнулся Саман.

"Неплохая. Только в тройке лучших в школе», — тоже улыбнулся Жэнь Ифэй.

Две линии пересекаются.

На этой карте было ясно видно, что существует три основных туристических маршрута, и среди множества маршрутов три можно описать как две пересекающиеся линии.

«Это персиковый лес, ферма и сказочный замок».

Они не звучали так, будто имели какое-то отношение к «встрече жизни и смерти».

Жэнь Ифэй встал и прикрыл глаза руками, глядя вдаль. Будь то персиковый лес, ферма или сказочный замок, везде были люди.

Игроками должны быть люди, которые не размышляли о еде, а что-то искали.

Что они могли придумать, то и другие могли.

Он снова посмотрел на песочницу. Солнечный свет выбелил тонкие линии, нарисованные стеблями тростника, и только эти три точки пересекаются в туристических маршрутах. Если бы они добавили еще... Линия обзора Жэнь Ифэй была зафиксирована в конце трех маршрутов — над травяным лыжным полем.

Здесь встречаются три разных туристических маршрута. Это были разные линии, но они встретились в одной точке. Разве это тоже не перекресток?

Стебель тростника в его руке остановился в том месте, где находился сказочный город над «травяным лыжным полем». Саман понял, даже если он ничего не сказал, и сказал: «Поищи еще раз».

«Искать где?» Они искали везде, что следует искать, а зарыться в землю не могли, так как не было времени.

«Башня ветряной мельницы. Это самое высокое место во всем поместье».

Жэнь Ифэй посмотрел на башню ветряной мельницы с давно сломанной дверью. Предыдущий бунт NPC не пощадил это место, поэтому дверь была разрушена, а так как пространство внутри было крошечным, то вещи внутри были полностью видны.

«Внутри куча разных вещей; они кажутся марионетками».

Больших и маленьких кукол, созданных по мотивам вымышленных персонажей, вынимали одну за другой. Хотя в настоящее время все они были потрепаны, было видно, насколько изысканными они были когда-то.

"Что это? Эти семь эльфов расположены в порядке возрастания?" Жэнь Ифэй указал на восемь связанных вместе марионеток. Там было семь эльфов в шляпах и красивая девушка.

Саман повернул голову и посмотрел на них. На его лице промелькнуло сомнение: даже такой человек, как он, не читающий девчачьих сказок, знает. Почему этот человек не знает?

Теоретически, все люди, попавшие на Мыс Запустения, принадлежат к одной культуре.

"Это Белоснежка, а те семеро - гномы".

«О, так вот кто это», — Жэнь Ифэй возился с семью гномами и, естественно, придумал

оправдание: «Это тот тип сказок, которые любят слушать маленькие девочки».

Он выстроил семь гномов в ряд от самого высокого до самого низкого и, наконец, расположил Белоснежку на конце. Затем он поднял деревянную

фигурку русалки, под которой рос мох.

Это не правильно; это были зеленые и коричневые водоросли.

Он поискал среди оставшихся деревянных резных фигурок и нашел осьминога, которого объединил с русалкой.

У Самана не хватило духу сказать ему, что мистер Осьминог — еще один известный мультипликационный персонаж, которого следовало бы поставить в пару с желтой губкой и который не имеет никакого отношения к русалке.

После этого нашли других кукол по мотивам детских сказок. Некоторые из них были милыми, некоторые — потрясающими, но все они сейчас были потрепаны.

Воспользовавшись возможностью очистить башню ветряной мельницы, Саман тайно наблюдал за Жэнь Ифэем.

Хотя Жэнь Ифэй быстро скрыл эту небольшую неестественность и после этого ничего не сказал, странный и новый взгляд, который он показал, когда впервые взглянул на марионеток, не мог никого обмануть.

Это было подлинное выражение лица «А Фэя».

Был ли он лишен сказок в детстве?

«Здесь большая резьба, но у нее только голова и половина туловища», — Саман достал последнюю куклу, которая была необыкновенно красивой. Это была богиня с острыми, безжалостными глазами и длинными вьющимися волосами, напоминающими волны.

«Жаль, что осталась только голова и половина туловища. Кажется, что она была чем-то сильно сломана», — Жэнь Ифэй также почувствовал сожаление, что от такой красивой статуи осталось только это.

Ее голова была больше, чем у обычного человека, поэтому, если это была целая статуя, она должна была быть от трех до пяти метров в высоту и должна была быть совершенно великолепной.

«Из какой это сказки?» Жэнь Ифэю было немного любопытно.

Саман внимательно рассмотрел нечто похожее на старинное греческое платье. Судя по украшениям на ее одежде и вытянутым рукам. Не зная, что делать, он ответил: «Наверное, какое-то божество из греческой мифологии».

Он также провел небольшое исследование такого рода мифов и легенд, но по какой-то причине не смог этого сказать.

Трава была полна этих сломанных и изодранных деревянных резных изделий; большие и маленькие резные фигурки демонстрировали красоту фантастического мира.

«Марионетки влажные, и на дне появились водоросли».

По всему поместью росли водоросли.

«Я также заглянул внутрь. Стены и потолок выкрашены в белый цвет, никаких фресок и других улик нет, — Саман вышел из башни ветряной мельницы.

«Какой результат гадания ты получил? Две линии пересекаются, жизнь и смерть встречаются?» Жэнь Ифэй повторил эту фразу, еще раз бегло взглянув на марионетку, а затем покачал головой Саману, показывая, что больше ничего не нашел.

"Пойдем."

Темнело, и сумерки уже наступили. Они обыскали это место и так и не сделали новых открытий. Они оба были разочарованы и были готовы вернуться и подумать об этом.

Пока они спускались по склону, Жэнь Ифэй оглянулся на марионеток на траве.

Свет сумерек падал на марионеток, придавая им слой тепла, и нежные куклы, казалось, ожили.

"В чем дело?" Саман повернулся, сделав несколько шагов, и спросил, когда обнаружил, что Жэнь Ифэй не следует за ним.

Жэнь Ифэй протянул руку и указал: «Посмотри на это. Разве она не похожа на владелицу поместья?»

Марионетка, казалось, смотрела на них, и свет отражался в ее глазах.

«Помнишь первый день, когда мы сюда пришли? Разве во время ливня в тот день хозяйка

поместья тоже не была одета в белое платье?»

В тот день из-за сильного дождя было плохо видно, и им, беженцам, не терпелось проникнуть внутрь, поэтому на точный внешний вид хозяйки никто не обращал внимания.

Он только помнил, что на ней было длинное платье, которое не гармонировало с окружающей средой, и у нее были длинные волнистые волосы.

Жэнь Ифэй сначала не подумал о ней, но когда он оглянулся назад, угол статуи волшебным образом вытащил воспоминания о том дне, и он понял, что они на самом деле были похожи.

«Я посмотрю», — Жэнь Ифэй побежал к газону, и Саман тоже без колебаний вернулся.

Вероятно, это была интуиция, подсказывающая им не упускать эту подсказку.

Остальные куклы на траве были отодвинуты в сторону. Лишь деревянную скульптуру головы и плеча расправили и тщательно вытерли пыль.

«Это изделие ручной работы с натуральной водостойкой краской на лаке», — Жэнь Ифэй внимательно наблюдал за покрытием разрезанной пополам деревянной резьбы. Резьба по дереву была покрыта белым лаком, а от времени стала желтой с мелкими трещинками.

Глядя на слой краски на изломанной поверхности, они могли сказать, что краска была нанесена равномерно и что на ней было около трех слоев разных материалов.

Судя по форме резьбы по дереву, это было явно не массовое изделие, и намерения мастера можно было увидеть во многих местах. Особенно голова, как по фактуре волос, так и по макушке, была невероятно сложной.

Кроме того, золото на короне было не золотым лаком, а позолоченным, что стало видно после того, как смахнули пыль.

«Если бы мы знали раньше, что нужно почистить ее, мы бы сразу это заметили». Деревянная резьба, очищенная от пыли, походила на жемчужину, раскрывающуюся под слоем пыли и ярко сияющую.

Жэнь Ифэй некоторое время смотрел на нее и с восхищением сказал: «Эта вещь немного старая, но первоначальный владелец, кажется, часто ее обслуживал, поэтому она все еще хорошо сохранилась».

«Для резьбы использовалось тиковое дерево. Тиковая древесина ценна и дорога, потому что она плотная, водостойкая и огнестойкая, а также ее трудно деформировать. Ее часто

используют для изготовления элитной мебели, отделки, кораблестроения, изготовления палуб.....»

Саман наклонила резьбу по дереву: «Судя по потоку волос и углу шеи, когда резьба по дереву была еще цела, ее правильная поза должна была быть такой».

Богиня подняла голову и наклонила тело.

Жэнь Ифэй подошел к резьбе по дереву и увидел изменение цвета белого лака. Независимо от того, насколько высокого качества был лак, все равно будет разница в степени старения между деталями, подвергающимися большему и меньшему воздействию солнечных лучей. Цвет лака и тонкие линии на поверхности являются основой для оценки.

Он подтвердил заявление Самана: «По степени выдержки лака более светлые части — это макушка и лицо, а краска под волосами менее состаренная. Это действительно правильная поза. Разве это не похоже на полет?»

«Это скульптура в западном стиле».

Жэнь Ифэй посмотрел по сторонам на резьбу по дереву, но кое-что вспомнил. Однако такая резьба обычно встречается на старых западных кораблях, а на современных кораблях ее обычно не видно.

Они размышляли над резьбой по дереву, пока не стемнело и больше никаких улик не было найдено. Они вернули резьбу по дереву, а затем слой за слоем покрыли ее другими марионетками.

«Я уже сделал фотографию. Я вернусь и сравню это с реальным человеком, — Жэнь Ифэй поднял в руке мобильный телефон.

«Эн», в отличие от него, Саман в это время казался немного тихим.

Он был немного смущен истинным характером «А Фэя». «А Фэй» в тот момент звался «Гу Синье». В нем не было и следа «Сун Бочжи» или «Хэ Цзюня», и между ними почти ничего общего.

«Сейчас уже слишком поздно готовить еду. К счастью, у нас еще есть две упаковки лапши быстрого приготовления», — Жэнь Ифэй достал лапшу быстрого приготовления и съел ее в сухом виде. Затем он достал для кота сосиску.

Черный кот с презрением взглянул на нее. Но другого выбора не было, было только это, поэтому пришлось терпеть.

Деревянные хижины внизу не были освещены, поэтому, взглянув вверх, можно было увидеть скопление звезд. Они висели низко в небе и казались очень близкими. Было такое ощущение, будто к ним можно прикоснуться, если протянуть руку — конечно, это была всего лишь иллюзия.

Ночь была такая темная, и все было тихо. В поместье было много людей, но в этот момент оно было пусто.

И Жэнь Ифэй, и Саман случайно замедлили темп.

«Сегодняшняя ночь очень прекрасна», — подумал Жэнь Ифэй о ночи на Мысе Запустения, которая тоже была прекрасна.

Ночь на Мысе Запустения была ослепительной, немного напоминая раковину морского ушка, окрашенную в черный цвет. Пять цветов остались после плавания космической рыбы, и говорили, что каждая рыба представляет собой экземпляр. Неизвестно, в какой рыбе они сейчас находились.

Люди на Мысе Запустения сейчас смотрят на рыбу? Они смотрят на них?

Саман посмотрел на небо только для того, чтобы понять, насколько красиво ночное небо этого экземпляра. Игроки заходят в инстансы с важной целью, а времени у них очень мало, поэтому мало кто остановится, чтобы оценить ночное небо в хоррор-игре.

Посмотрев искоса на Жэнь Ифэя, он также увидел пару сверкающих глаз на его лице.

Внезапно Саман вспомнил, когда он впервые встретил «Сун Бочжи», и когда он в тот день смотрел на «Хэ Цзюня» в саду, он тоже увидел такие яркие глаза.

Глаза игроков онемели от ежедневной мучительной работы по выживанию, а глаза NPC тусклые, потому что они запрограммированы и не имеют самоидентификации.

Только обладатель этих глаз серьезно относился к «жизни». Несмотря на то, что он был в кандалах и находился в заключении, он все еще отчаянно пытался «жить» чудесно.

Нет, не глаза были чудесны, а душа, увиденная этими глазами.

Оцепеневшая душа инстинктивно искала бы это чудо, как ищет оазис в пустыне, но он обманывал себя, говоря, что ищет «будущего партнера с прекрасными актерскими способностями».

К счастью, было еще не поздно.

Люди Мыса Запустения — это те, кто был изгнан из мира и не имеет ничего. Таким образом, они должны держаться за него, как только получают то, что хотят.

Саман никогда так не понимал своего сердца. Ему хотелось схватить этот ослепительный свет, и даже если бы он обжег его душу, он должен был крепко держать его.

"Над чем ты смеёшься?" Жэнь Ифэй странно посмотрел на Самана, который сдержанно смеялся.

«Нет, просто... звездное небо сегодня красивое», — Саман, который посмотрел на небо, затем повернулся к нему, — «Спасибо».

Жэнь Ифэй:?

<http://bllate.org/book/15647/1399047>